

Анализ иностранной практики в области правовых оснований и подходов к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью

Телицына А.Ю.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Проведен анализ иностранной практики в области законных оснований и подходов к изъятию ребенка из семьи в случае жестокого обращения, при существовании угрозы его жизни или здоровью. На текущий момент мировая практика демонстрирует два вида систем реализации права ребенка на безопасное детство: система семейных услуг и система защиты детей. Демаркация осуществляется в соответствии с объектом, чьи интересы подлежат защите, и целями: сохранение семьи и забота о ментальном и физическом благополучии всех ее членов в первом случае и превалирование прав и интересов ребенка – во втором. В обоих случаях процедура защиты прав детей носит законный характер, реализуется государственными структурами при участии гражданского общества. Как правило, осуществляется при наличии социально-маргинализирующих факторов: отсутствие у родителей экономических средств, социальная девиация родителей, злоупотребление наркотическими или психотропными веществами, однако может быть инициирована в отношении тех родителей, которые продемонстрировали агрессивное и абьюзивное отношение к ребенку в обществе, и оно было воспринято с позиции порицания и неодобрения, что повлекло соответствующие последствия, рассматриваемые в данной статье.

Ключевые слова: жестокое обращение с детьми; системы защиты детей; правовые особенности иностранных государств; ограничение и лишение родительских прав; процедура отобрания ребенка у родителей.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.02.2023 № 073-00038-23-01 «Научно-методическое обоснование оснований и критериев ограничения, лишения родительских прав и отобрания ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, рисков для его безопасности и развития, межведомственного взаимодействия».

Для цитаты: Телицына А.Ю. Анализ иностранной практики в области правовых оснований и подходов к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2023. Том 4. № 1. С. 36–58. DOI:10.17759/ssc.2023040103

Analysis of foreign practice in the field of legal grounds and approaches to restriction, deprivation of parental rights and removal of a child from his/her parents in case of an immediate threat to his or her life or health

Alexandra Yu. Telitsyna

National Research University, Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

An analysis of foreign practice in the field of legal grounds and criteria for the removal of a child from his or her family in cases of abuse, when there is a threat to his or her life or health has been carried out. At the moment the world practice demonstrates two types of systems of realization of the child's right to a safe childhood: the system of family services and the system of child protection. Demarcation is carried out according to the object whose interests are to be protected and the goals: preservation of the family and care for the mental and physical well-being of all its members in the first case, and the prevalence of the rights and interests of the child in the second. In both cases, the procedure for protecting children's rights is legal in nature, implemented by state structures with the participation of civil society. As a rule, it is carried out in the presence of social-marginalizing factors: parents' lack of economic means, parents' social deviation, drug or psychotropic substance abuse, but can be initiated against those parents who have demonstrated an aggressive and abusive attitude toward the child in society, and it has been perceived from a position of censure and disapproval, which has caused the corresponding consequences considered in this article.

Keywords: child abuse; child protection systems; legal features of foreign countries; restriction and deprivation of parental rights; the procedure for taking a child away from his or her parents.

Funding. The study was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-01 dated 08.02.2023 "Scientific and methodological substantiation of the grounds and criteria for restriction, deprivation of parental rights and taking a child away from parents in case of an immediate threat to his life or health, risks to his safety and development, interdepartmental interaction".

For citation: Telitsyna A. Yu. Analysis of foreign practice in the field of legal grounds and approaches to restriction, deprivation of parental rights and removal of a child from his/her parents in case of an immediate threat to his or her life or health // *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2023. Vol. 4, no. 1, pp. 36–58. DOI:10.17759/ssc.2023040103 (In Russ.).

Введение

Постановка проблемы. Жестокое обращение с детьми в семье несет угрозу не только их жизни и здоровью, оно также оставляет негативный отпечаток на психоэмоциональном состоянии, что в дальнейшем отрицательно сказывается на личностном развитии и

социализации человека. В будущем такие дети с большой долей вероятности воспроизведут агрессивную модель поведения по отношению к собственному ребенку и будут отвечать перед законом [57].

Кажется очевидным, что благополучное и счастливое детство ребенка выгодно не только его родным и близким, но и обществу с точки зрения его продуктивности и жизнеспособности во взрослом возрасте. Несложно уловить эту взаимосвязь, однако проблема жестокого обращения с детьми продолжает существовать, и общество ищет пути ее решения.

Ситуация осложняется тем, что насилие происходит в родственной и естественной для ребенка среде, что подтверждается статистическими данными о случаях угрозы жизни и здоровью детей младенческого и младшего возраста. Это многократно усложняет задачи выявления и предотвращения ситуаций жестокого обращения, поскольку опасность исходит от родителей, которые должны быть защитой и опорой [74], при этом отмечается, что альтернативные варианты в любом случае не смогут полноценно заменить родную семью.

Государство и гражданское общество присвоили данной проблеме статус повышенной важности и работают над ее решением и минимизацией негативных последствий. Конвенция о правах ребенка (1989 год), ратифицированная 196 странами, предписывает государствам-участникам предпринимать все возможные меры по защите детей от жестокого обращения [24].

Стоит отметить, что понятие жестокого обращения видоизменялось: от нанесения физических травм [70] до морального насилия (пренебрежение, абьюз) [76]. Так, ВОЗ определяет жестокое обращение с детьми как «все формы физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуального насилия, пренебрежения или небрежного обращения либо коммерческой или иной эксплуатации, приводящие к реальному или потенциальному ущербу для здоровья, выживания, развития или достоинства ребенка в контексте отношений ответственности, доверия или власти», с четким осознанием того, что четыре категории могут сосуществовать в одном и том же ребенке [60].

В статье предпринимается попытка рассмотреть правовые основания и подходы к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, при этом угроза жизни или здоровью детей конкретизируется с позиции реагирования на это государства и общества, которые при помощи действующих гражданско-правовых институтов возбуждают процедуру изъятия детей из физически и ментально травмирующей их среды.

Целью исследования выступили рассмотрение и анализ иностранной практики по предотвращению и пресечению жестокого обращения с детьми, угрозы их жизни и здоровью.

Гипотеза исследования – иностранная практика в данной области строится на ликвидации последствий по факту их совершения, работа в области их предотвращения, на необходимость которой указывает ВОЗ [3], не осуществляется либо осуществляется с недостаточной эффективностью, о чем свидетельствует статистика пострадавших от насильственного обращения в семье детей [2].

Актуальность исследования вызвана динамическим характером объекта исследования, его изменчивостью и, как следствие, появлением новых способов реагирования, эволюцией подходов к пониманию проблем и работе с ней.

Особенностью рассматриваемой темы является то, что явление носит межкультурный характер, ее значимость признается общественностью, и способы ее решения являются частью межнационального дискурса [7; 25].

Методы исследования

В качестве методов исследования были использованы:

– *система поиска публикаций по заданному тексту*, реализованная на информационных платформах. Для выделения научных статей, посвященных зарубежным правовым основаниям и подходам к урегулированию проблемы жестокого обращения с ребенком в семье, были определены иерархии ключевых слов на русском и английском языках, которые выступили критериями отбора и были последовательно использованы в системе фильтров каждой из платформ:

- 1) «жестокое обращение с детьми» («child abuse»)/«насилие в семье» (domestic violence);
- 2) «отобрание ребенка»/«изъятие ребенка» («child removal»);
- 3) «системы защиты детей» («child protection systems»).

Иерархический отбор предполагал рассмотрение правовых оснований и процедур по изъятию детей из семьи в случае насильственного к ним отношения, а также ограничения родительских прав в отношении тех родителей, кто является агрессором и осуществляет воспитательный процесс с позиции абьюзивных отношений.

– *качественный анализ названий, содержания аннотаций и текста статей* (для статей открытого доступа), основанный на фенологическом анализе и реализованный с использованием *техники последовательной конденсации смыслов*. Техника заключается в разбивании текста на смысловые единицы и последовательном извлечении (конденсации) каждой из них [1]. В процессе анализа названия статей и текста их аннотаций были выделены следующие базовые слова и словосочетания: насилие в отношении детей, насилие в семье, жестокое обращение, изъятие детей из семьи, лишение родительских прав, угроза жизни и здоровью ребенка.

Применение данных методов осуществлено с соблюдением всех логико-семантических условий [4].

Базой для исследования послужили 52 статьи, посвященные иностранной практике решения проблемы жестокого обращения с детьми в их родной семье, а также последствиям такого неправомерного поведения для их родителей в виде ограничения и лишения родительских прав.

Исследование рассматривало проблему жестокого обращения с позиций правовых процедур и юридических механизмов по борьбе стран с проблемой жестокого обращения с детьми, включая весь возможный состав субъектов (государство, правоохранительные органы, суды, гражданское общество, коммерческие и некоммерческие организации).

Были проанализированы 12 стран: Австралия, Германия, Израиль, Китай, Латвия, Норвегия, Сербия, США, Филиппины, ЮАР, Южная Корея, Япония.

Результаты исследования

Израильская система

Израильская система защиты детей предписана законодательными нормами «Закон о молодежи (уход и надзор)» и «Закон об обязательном сообщении» [34]. Большую роль в

ней играют социальные и медицинские работники [33].

У социальных работников довольно широкие полномочия: они высказывают мнение относительно того, можно ли доверить ребенка его родителям с интеллектуальными особенностями развития [36], дают заключение в судах Израиля по семейным делам, работая в синергии с судьями для смягчения последствий судебных разбирательств [52]. Решения данных лиц принимаются с использованием модели суждений и процессов принятия решений в контексте (JUDPIC), то есть с учетом оценки обоснованности жестокого обращения, оценкой риска и рекомендациями структурированных инструментов для вмешательства (если оно признано необходимым) [11; 51].

При этом не всегда социальные работники доводят до конца процедуру по изъятию детей из семьи. В случае с семьями, которые отказывались сотрудничать с социальными работниками, а также семьями, воспитывающими детей старше 14 лет, ребенок в 21% случаях оставался в семье, но социальные работники продолжали наблюдение за процессом его воспитания [26].

Для семей с маленькими детьми (в возрасте до 5 лет) в случае выявления факта жестокого обращения реализуется программа SafeCare в виде помощи в воспитании детей на дому силами работников социальных служб в форме процедурных и содержательных адаптаций [56].

Самый высокий риск потери опеки над ребенком и лишения родительских прав приходится на группу израильских родителей, злоупотребляющих психоактивными веществами [41].

При рассмотрении дел о лишении родительских прав семейными судами Израиля родители позиционируются не только как недееспособные и непригодные в качестве родителей, но и как «виновные» в неправильном воспитании ребенка. Были выделены четыре категории такого воспитания: нарушенное, «неудачное», опасное и вредное. Восприятие вины возникло в результате отнесения судами родительского поведения к патологическим психологическим факторам [12].

Судебная практика Израиля по лишению родительских прав складывается с упором на социальную маргинализацию родителей (измеряемую тремя показателями: отсутствием у родителей экономических средств, социальной девиацией родителей и семейной историей предыдущих усыновлений), влияющую на решение об усыновлении через призму восприятия судьей степени опасности нахождения ребенка с опекунами [14].

Израильская система защиты детей предусматривает многоэтапные примирительные процедуры и шансы для родителей, однако в случае, если усилия по реабилитации не увенчались успехом, и ребенок не может безопасно воссоединиться со своими родителями, государство имеет право инициировать процедуру лишения родительских прав (TPR). В случае решения суда в пользу социальных служб ребенок изымается из семьи и помещается в специализированное учреждение, откуда он может быть взят под опеку [52]. По завершении судебной процедуры по лишению родительских прав израильским родителям сложно восстановить свою дееспособность по отношению к ребенку: успешно завершается только четверть всех случаев [13].

Система США

Большое внимание родителям, злоупотребляющим психоактивными веществами,

уделяется судебной системой по семейным взаимоотношениям в США. Данная группа родителей характеризуется более высоким кумулятивным риском, который включает в себя проблемы:

- с психическим здоровьем с акцентом на расстройства личности и эмоциональные проблемы;
- судимость;
- безнадзорность детей как следствие злоупотребления родителями своими обязанностями по обеспечению надлежащего ухода за детьми;
- воспитание ребенка в неполной семье [16].

Как и в израильской системе, в зону высокого риска лишения/ограничения родительских прав попадают родители с алкогольной, наркотической зависимостью. Семейные суды по лечению наркозависимости являются нововведением для решения этой проблемы. В отличие от обычного суда, обвинители и защитники работают в рамках довольно частых (иногда ежедневных) слушаний и собеседований, направленных как на исправление, лечение, реабилитацию, так и на наказание. Таким образом пытаются достичь баланса между родительскими потребностями и правом ребенка на надлежащий уход [39].

Европейская система

Судебная практика Германии по защите детей от жестокого обращения использует институт судебных психологов по работе с детьми и их сопровождению на протяжении судебного процесса по лишению родительских прав. Специалисты дают суду заключение о степени травмированности ребенка, его отношении к родителям и готовности вернуться в семью. Согласно статистике, больше половины рассматриваемых судом случаев влекут лишение родительских прав и помещение ребенка в приемную семью или в специализированное учреждение [79].

Особенностью судебной практики Сербии является тот факт, что ребенок, подвергнутый жестокому обращению и изъятый из семьи, имеет на 68% больше шансов на воссоединение с родными, если он воспитывался в неполной семье, а не с обоими родителями [80].

Мотивы, установки, эмоциональные состояния, а также реакции четырех сторон процесса по изъятию детей из семьи (дети, родители, служба защиты детей (CPW), полиция) были изучены в исследовании литовских ученых. Интервью с родителями выявили такие их эмоциональные состояния (при изъятии), как неожиданность и несправедливость ситуации, а также отсутствие институциональной поддержки в их усилиях по возвращению ребенка. Для детей опыт изъятия был травмирующим, что привело к потере их доверия к родителям и CPW. Однако в некоторых случаях они были рады, что их вырвали из пренебрежительного и жестокого окружения. Работники по защите детей испытывают сильные эмоции и сталкиваются с этическими дилеммами во время отобрания ребенка. Тем не менее они считают себя спасающими жизнь профессионалами, которые отвечают наилучшим интересам детей. Исследование показало, что все четыре вовлеченные стороны имеют свои собственные разные и конкурирующие позиции по данному вопросу, в силу этого надежда на взаимопонимание и компромисс весьма призрачна. Они ограничены конфиденциальностью, профессиональными требованиями, чувством стыда и вины [68].

Австралийская система

На всей территории Австралии действует законодательство, требующее от граждан обязательного информирования отделов социального обеспечения о жестоком обращении с детьми или отсутствии заботы о них. Национальная политика и программы реагирования обеспечиваются рядом государственных учреждений и механизмов: Департамент социального обеспечения и развития (DSWD), Совет по благосостоянию детей (CWC) и Комитет специальной защиты детей (CSPC) при Министерстве юстиции, а также общественные советы Барангая [58]. Решение об изъятии детей из семьи в связи с жестоким обращением либо насилием принимает суд по семейным делам Австралии [38]. Как правило, работники отделов социального обеспечения совместно с полицией проводят проверку по факту каждого обращения. После завершения расследования уведомление классифицируется как «обоснованное» или «необоснованное». Уведомление будет признано обоснованным, если по результатам расследования будет установлено, что ребенок подвергся, подвергается или может подвергнуться жестокому обращению, пренебрежению или иному вреду. Аналогично тому, как израильские социальные службы проводят полноценную работу по поддержке и консультированию семьи, социальные органы Австралии также стараются оказать всю посильную помощь родителям, оказавшимся в сложной ситуации. В крайних случаях последует обращение в суд, который выдаст ордер на защиту и опеку ребенка [23].

Как и в Израиле и США, среди причин по изъятию детей из семьи в Австралии лидирует злоупотребление психоактивными веществами. Основными препятствиями на пути к воссоединению семьи в таком случае являются ограниченные сети социальной поддержки, небезопасное жилье и проблемы с выполнением большого количества норм, правил и требований систем защиты детей, социального обеспечения и правосудия. Важным фактором, способствующим воссоединению, является доступ к реабилитационному центру по месту жительства, который предлагает комплексные услуги, включая поддержку сообщества [27].

Система стран Африки и Азии

Культурные и религиозные особенности влияют на политику защиты детей в африканских и азиатских странах.

Так, например, в ЮАР применение физической силы к детям в целях воспитательного воздействия является составной частью культурного кода, что противоречит современной повестке по безопасному детству ребенка, поэтому судебная власть постановила, что защита разумного и умеренного наказания по общему праву является неконституционной и больше не применяется к законодательству [15]. Права детей, чьи родители применили к ним физическую силу, защищаются в судебном порядке [30].

Система защиты детей на Филиппинах описывается как «нисходящая», с четким законодательством и национальной политикой. Закон о специальной защите детей от жестокого обращения, эксплуатации и дискриминации обеспечивает правовую основу для защиты детей от жестокого обращения, включая «небрежное отношение, жестокость, эксплуатацию и дискриминацию и другие условия, наносящие ущерб их развитию». Однако охват защитой детей в различных провинциях значительно различается по ресур-

сам и подходам, а в инфраструктуре социального обеспечения наблюдается кадровый дефицит.

В обстоятельствах, когда семья или социальные работники считают, что детям небезопасно жить дома, а другие меры по уходу невозможны, ребенок переводится в негосударственное учреждение интернатного типа или в условия альтернативного ухода, которые предполагают его проживание и воспитание вне семьи, под опекой специалистов. В некоторых случаях (например, при вмешательстве полиции и возбуждении судебного дела) ребенка и семью направляют в государственное учреждение интернатного типа или в негосударственную организацию для получения квалифицированной помощи и поддержки [61].

Аналогично система защиты детей в Японии рассматривает «внедомашний» уход как способ защиты от жестокого обращения. Практика социальной работы с родительским поведением и сохранением ребенка в семье не распространена в Японии. Социальные службы и полиция ориентированы на изъятие ребенка из семьи и помещение его в безопасную среду [47]. Такая политика продиктована законодательством: Закон о благосостоянии детей (1947 г.) определяет роли местных органов по защите детей и их финансирование, а Закон о предотвращении жестокого обращения с детьми (2000 г.) устанавливает невозможность совместного проживания родителей и детей после акта агрессии или насилия [30].

В Японии распространена деятельность групп защиты детей (СРТ), которые координируют деятельность государственных органов в предоставлении помощи детям, которые подверглись жестокому обращению [29]. Такие группы зачастую образованы при медицинских учреждениях, специалисты которых фиксируют факт жестокого обращения с детьми и сообщают об этом в группы защиты детей [69]. После фиксации обращения ребенок изымается из семьи и находится в специализированном учреждении под присмотром специалистов. Стремление вывести ребенка из травмирующей семейной обстановки продиктовано культурно-ценностными особенностями воспитания и становления личности в Японии [7].

Также в стране существует специализированный суд по семейным делам, который слушает дела о приостановлении, лишении, отказе, восстановлении родительских прав (ст. 167 Закона о процедуре рассмотрения дел о семейных отношениях) [29]. В соответствии с ГК Японии, если оба родителя (единственный родитель) были лишены родительских прав, над ребенком устанавливается опека (пп. 1 ст. 838 ГК Японии). Родители утрачивают полномочия по воспитанию и попечению ребенка, в т.ч. в материальном смысле, а также права, связанные с его личностно-правовым статусом. Восстановление родительских прав означает, что все ранее существовавшие взаимные права и обязанности между ребенком и родителями восстанавливаются в полном объеме [5; 14].

В Китае из-за конфуцианских культурных ценностей и традиций жестокое воспитание считается приемлемой тактикой дисциплины и рассматривается как признак родительской заботы и участия, а не жестокого обращения с детьми [50], что усложняет принятие решений по внутрисемейным делам, так как «даже благоразумному чиновнику трудно вынести суждение о делах внутри семьи» [35]. Формальная ответственность за защиту детей в Китае распределена между несколькими органами (например, Федерацией женщин, Бюро образования), фрагментарность институцио-

нальных механизмов Китая мешает работникам по защите детей действовать и принимать решения [75; 78]. В 2019 году министерство гражданских дел Китая создало Департамент по защите детей, целью которого является:

- разработка политики и стандартов в области защиты детей, защиты детей-сирот, усыновления детей и оказания им помощи;
- совершенствование системы ухода и обслуживания беспризорных детей в сельской местности;
- укрепление системы защиты детей, попавших в беду.

Тем не менее этот Департамент подвергся общественной критике за неспособность защитить детей от жестокого обращения из-за отсутствия механизма обработки сообщений и ограниченности в координации работы различных отделов, связанных с детьми. В 2020 г. в пересмотренном законе «О защите несовершеннолетних» вновь подчеркивается важность обязательного информирования государственных служб о случаях жестокого обращения с детьми. Однако по-прежнему не разработан единый механизм фиксирования, обработки и реагирования на случай обращения, отсутствуют инструкции по оформлению отчетности и ведению протоколов обслуживания пострадавших от жестокого обращения детей [73].

В Южной Корее (до 2001 г.) защита детей от жестокого обращения реализовывалась силами государственных структур (Корейская национальная служба защиты детей (К-СПС)), некоммерческих организаций. Однако дефицит специалистов создавал чрезмерную индивидуальную рабочую нагрузку и влиял на принятие решений агентством К-СПС, в том числе является ли жестокое обращение обоснованным и требует ли включения ребенка в систему защиты детей [48].

В 2001 году в Корее Министерством здравоохранения было основано Национальное агентство по защите детей (НСРА) для предотвращения жестокого обращения и оказания помощи в восстановлении детей, подвергшихся насилию. В круг обязанностей Агентства включена профилактика безнадзорности, включая помощь детям и их семьям посредством сотрудничества с соответствующими организациями. НСРА направляет сообщения о жестоком обращении с детьми в соответствующие местные центры, управляет компьютерной системой базы данных, ежегодно публикует национальные отчеты и оказывает техническую поддержку местному агентству по защите детей (ЛСРА) путем разработки шкал для оценки жестокого обращения, степени угрозы жизни и здоровью детей.

ЛСРА работают круглосуточно по телефону горячей линии, проводят расследования и посещают семьи, в которых было зафиксировано жестокое обращение с детьми, а также предоставляют услуги на дому, связываясь с местными организациями, и управляют междисциплинарными группами для проверки жертв жестокого обращения, осуществляют надзор за рассмотрением дел о жестоком обращении [49]. Деятельность организаций обеспечивается законом «О наказании за жестокое обращение с детьми за конкретные преступления, связанные с жестоким обращением с детьми» и законом «О благосостоянии детей», который направлен на усиление системы обязательного информирования о случаях жестокого обращения с детьми.

Скандинавская система

Принятая в Норвегии модель благосостояния, центральными чертами которой являются общественная и коллективная ответственность за обеспечение высокого уровня

социальной защиты и равенства [40], предполагает ориентированность служб защиты детства на помощь в решении личных проблем и потребностей родителей или детей, являющихся причинами отсутствия заботы о детях [54; 64]. В рамках системы приоритетными формами поддержки являются: предоставление услуг на дому, профилактика и раннее вмешательство с низкими порогами. Забрать детей из-под опеки родителей считается последним и наименее благоприятным решением, которое следует использовать только тогда, когда исключены все другие услуги на дому [63].

Особенность законодательства Норвегии о защите прав ребенка в его превентивности. Так, изъятие ребенка из семьи грозит не только тем родителям, которые были замечены в жестоком обращении с ребенком, но и тем, кто в будущем не сможет обеспечить ему достойное существование и всестороннее развитие. В основные категории риска лишения/ограничения родительских прав попадают родители с ограниченными интеллектуальными возможностями, серьезными расстройствами личности, обширными проблемами психического здоровья и употреблением наркотиков с плохими прогнозами в отношении изменения возможностей по уходу за ребенком. Исполнителем воли закона является Совет графства Норвегии, на который возложены функции по реализации политики защиты прав детей. Иницилирующим органом по ограничению и лишению родительских прав является Служба защиты детей (CWS), которая несет бремя доказывания недееспособности родителей в отношении детей путем реализации бюрократических процедур [68]. Решение об изъятии ребенка из семьи принимает Суд графства по документам, представленным Советом круга [46]. Ребенок может быть передан на воспитание в патронатную семью или в специализированное учреждение. Эта процедура носит название «решение о передаче прав опеки». Все решения носят временный характер и могут быть отменены, если семья убедит суд и органы опеки, что в состоянии заботиться о ребенке должным образом [42].

В случае если ребенка изъяли из семьи, государство рассматривает родителей как уязвимую группу. Служба семейного консультирования в Норвегии (организация поддержки родителей (OBF)) [35] уполномочена составлять приоритеты и предоставлять услуги эмоциональной поддержки этой родительской группе. С такими родителями работают семейные терапевты, которые оказывают им психоэмоциональную поддержку [44]. Это необходимо, поскольку родители чувствуют гнет стигматизации и общественного осуждения после изъятия ребенка из семьи [55]. Таким образом, норвежское правительство заботится о семье как о ячейке общества всесторонне, оказывая защиту и поддержку и детям, и родителям. Поэтому Норвегия и Финляндия классифицируются как системы семейных услуг, в отличие от США, которая рассматривается как система защиты детей [19] и встречает критику со стороны исследователей, которые называют ее «карательной», «карцеральной», «тюремной», «навязчивой и лишаящей сил системой наблюдения» [72].

Обсуждение

Исследования, посвященные жестокому обращению с детьми и, как следствие, лишению/ограничению родительских прав, широко проводятся во всем мире [33; 45]. Однако каждая страна обнаруживает свою специфику в изучении этого явления. Так, например, в странах Азии и Востока исследователи отдают предпочтение изучению принудитель-

ного детского труда [6; 28; 37]. Нынешние австралийские системы защиты детей в первую очередь сосредоточены на проблеме безнадзорности, а профилактика жестокого обращения отсутствует [53]. При этом внимание исследователей сосредоточено на статистических данных и количестве безнадзорных детей, потерявших родительскую опеку или оставшихся сиротами [59; 66; 72].

Исследователи жестокого обращения с детьми в европейских странах подходят к изучению вопроса комплексно, с позиций правовых положений и юридических процедур защиты нарушенного права ребенка на безопасность в семье [9; 21; 77].

В то же время в западных странах проблема жестокого обращения с детьми изучалась и с позиции психологии семейных взаимоотношений, а именно стилей воспитания и взаимодействия родителей и ребенка [17; 18; 62]. Исследователи заявляют о травмирующей силе не только физического, но и морального насилия (эмоциональное пренебрежение). В этом контексте в западных и скандинавских странах работникам служб, охраняющих права и законные интересы несовершеннолетних, рекомендовано соблюдение профессиональной осмотрительности [20; 28].

Аналогичным образом исследуют среду воспитания ребенка, который растет в сложных условиях, израильские ученые, называя ее «серой зоной», то есть пограничным состоянием семейных взаимоотношений, в которых ребенок имеет риск физического и морального насилия в отношении его личности в любой момент [27; 65; 67].

Для скандинавских стран более характерна склонность вдумчивого и «экологичного» процесса принятия решения о размещении ребенка в случае жестокого обращения с ним в семье. Большое внимание уделяется личности лиц, уполномоченных к принятию таких решений. Молодые, менее опытные или неподготовленные работники, как правило, оценивают риски как более высокие и рекомендуют размещение вне дома чаще, чем опытные и хорошо обученные работники [11].

Заключение

Рассматривая проблему жестокого обращения с детьми через правовые основания и подходы в зарубежных странах, мы предприняли попытку систематизации имеющихся подходов по борьбе с жестоким обращением в зарубежных странах и пришли к выводу, что имеющиеся подходы различны в силу культурных, политических и социально-экономических факторов, однако общим является ясный взгляд на проблему насилия над детьми, ее всестороннее изучение и разработанный механизм ее решения для каждой отдельной страны.

Этиология жестокого обращения с детьми является многоаспектной и сложной проблемой. Большинство исследователей основывают эту концепцию на сочетании таких структурных особенностей, как бедность, низкий уровень образования, жестокое обращение родителей в детстве, насилие в семье и социальная изоляция [10; 22; 43].

Гипотеза исследования частично подтверждена. Иностранная практика в данной области строится в большинстве рассматриваемых стран на ликвидации последствий по факту их совершения, работа в области их предотвращения осуществляется преимущественно в скандинавских странах, в других европейских странах либо осуществляется с недостаточной эффективностью.

Анализ иностранной практики по предотвращению и пресечению жестокого обращения с детьми показал, что в разных странах своя специфика и система защиты детей от физического и психологического насилия. Чем больше в ней задействовано элементов, представленных государственными, коммерческими и некоммерческими структурами, тем эффективнее она реализует свою первостепенную задачу в силу многокомпонентного контроля друг за другом.

Литература

1. Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для вузов / Н.П. Бусыгина. М.: Издательство Юрайт, 2023. 423 с.
2. Доклад о положении дел в мире в области профилактики насилия в отношении детей 2020 г.: резюме. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. 20 с.
3. Европейский доклад о предотвращении жестокого обращения с детьми [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. 2013. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/277108/9789289000284-summaryrus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 13.06.2023).
4. Иванова И.И. Семиотико-методологические возможности герменевтики [Электронный ресурс] // Человек. Культура. Образование. 2012. № 3(5). С. 5–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotiko-metodologicheskie-vozmozhnosti-germenevtiki> (дата обращения: 13.08.2023).
5. Рымар Д.С. Ограничение в родительских правах и лишение родительских прав: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Японии [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2019. № 25(263). С. 340–343. URL: <https://moluch.ru/archive/263/60925/> (дата обращения: 20.05.2023).
6. Ahad Md.A., Parry Y.K., Willis E. The prevalence and impact of maltreatment of child laborers in the context of four South Asian countries: A scoping review // Child Abuse & Neglect. 2021. Vol. 117. P. 105052. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105052
7. Arie S. Who takes up issue of child abuse // BMJ. 2005. Vol. 331. № 7509. P. 129 DOI:10.1136/bmj.331.7509.129
8. Baker A.J.L., Brassard M. Predictors of variation in state reported rates of psychological maltreatment: A survey of statutes and a call for change // Child Abuse & Neglect. 2019. Vol. 96. P. 104102. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104102
9. Bamba S., Haight W. The developmental-ecological approach of Japanese child welfare professionals to supporting children's social and emotional well-being: The practice of mimamori // Children and Youth Services Review. 2009. Vol. 31. № 4. P. 429–439. DOI:10.1016/j.childyouth.2008.09.006
10. Basu K. et al. The economics of child labor // The American Economic Review. 1998. Vol. 88. № 3. P. 84–91.
11. Benbenishty R., Davidson-Arad B., López M., Devaney J., Spratt T., Koopmans C., Knorth E.J., Witterman C.L.M., Del Valle J.F., Hayes D. Decision making in child protection: An international comparative study on maltreatment substantiation, risk assessment and interventions recommendations, and the role of professionals' child welfare attitudes // Child Abuse & Neglect. 2015. Vol. 49. P. 63–75. DOI:10.1016/j.chiabu.2015.03.015
12. Ben-David V. Are they guilty of their parental behavior? Parenting forms constructed in termination of parental rights court cases // Qualitative Social Work. 2016. Vol. 15. № 4. P.

518–532. DOI:10.1177/1473325015595459

13. *Ben-David V.* Does a parent's right to parenting matter in termination of parental rights? An analysis of court cases. // *Family court review*. 2020. Vol. 58. № 4. P. 1061–1071. DOI:10.1111/fcre.12498
14. *Ben-David V.* Judicial bias in adjudicating the adoption of minors in Israel // *Children and Youth Services, Review*. 2011. Vol. 33. № 1. P. 195–203. DOI:10.1016/j.chilyouth.2010.09.003
15. *Ben-David V.* Parental cooperation with social services and termination of parental rights in Israeli court cases of child maltreatment // *Journal of child and family studies*. 2016. Vol. 25. № 8. P. 2498–2507. DOI:10.1007/s10826-016-0422-9
16. *Ben-David V.* Substance-abusing parents and their children in termination of parental rights cases in Israel // *Children and Youth Services Review*. 2016. Vol. 66. P. 94–100. DOI:10.1016/j.chilyouth.2016.05.001
17. *Berger K.S.* *The Developing Person throughout the Lifespan*. 5-th ed. New York, Worth Publishers, 2001. 743 p.
18. *Berrick J., Dickens J., Pösö T., Skivenes M.* A Cross-Country Comparison of Child Welfare Systems and Workers' Responses to Children Appearing to be at Risk or in Need of Help // *Child Abuse Review*. 2017. Vol. 26. № 4. P. 305–319. DOI:10.1002/car.2485
19. *Berrick J., Dickens J., Pösö T., Skivenes M.* Parents' involvement in care order decisions: a cross-country study of front-line practice // *Child & Family Social Work*. 2017. Vol. 22. № 2. P. 626–637. DOI:10.1111/cfs.12277
20. *Bromfield L. et al.* National comparison of child protection system. Child abuse prevention issues // *Australian institute of family studies*. 2005. № 22. P. 1–32.
21. *Carr A., Duff H., Craddock F.* A Systematic review of reviews of the outcome of noninstitutional child maltreatment // *Trauma violence abuse*. 2020. Vol. 21. № 4. P. 828–843. DOI:10.1177/1524838018801334 Epub 2018 Sep 24. PMID: 30249161.
22. *Çelik S.S., Baybuga M.S.* Verbal, physical and sexual abuse among children working on the street // *Australian journal of advanced nursing*. 2009. Vol. 26. № 4. P. 14–22.
23. *Child protection Australia 2003–04* [Electronic resource]. Canberra: Australian Institute of Health and Welfare, 2005. 36 p. URL: <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2005-01/apo-nid709.pdf> (дата обращения: 11.06.2023).
24. *Convention on the Rights of the Child* [Electronic resource] // *United Nations*. 1989. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/convention-on-the-rights-of-the-child> (дата обращения: 11.06.2023).
25. *Cyr C., Michel G., Dumais M.* Child maltreatment as a global phenomenon: From trauma to prevention // *International Journal of Psychology*. 2013. Vol. 48. № 2. P. 141–148. DOI: 10.1080/00207594.2012.705435
26. *Dare J., Wilkinson C., Karthigesu S.P., Coall D.A., Marquis R.* Keeping the family: A socio ecological perspective on the challenges of child removal and reunification for mothers who have experienced substance-related harms // *Children and Youth Services Review*. 2023. Vol. 145. № 3. P. 106772. DOI:10.1016/j.chilyouth.2022.106772
27. *Davidson-Arad B., Englechin-Segal D., Wozner Y.* Short-term follow-up of children at risk: comparison of the quality of life of children removed from home and children remaining at home // *Child Abuse & Neglect*. 2003. Vol. 27. № 7. P. 733–750. DOI:10.1016/S0145-2134(03)00113-3
28. *Davidson-Arad B., Englechin-Segal D., Wozner Y., Gabrie R.* Why social workers do not implement decisions to remove children at risk from home // *Child Abuse & Neglect*. 2003.

- Vol. 27. № 6. P. 687–697. DOI:10.1016/S0145-2134(03)00106-6
29. Domestic Relations Case Procedure Act. No. 52 of May 25, 2011 [Electronic resources] // Japanese Law Translation. 2011. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4258> (дата обращения: 11.08.2023).
  30. *Duerr B., Jill, Neil G., Marit S. (eds.)*. Oxford Handbook of Child Protection Systems. Oxford: Oxford University Press, 2023. 1017 p. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197503546.001.0001
  31. *Dziva C.* The 2013 Constitution of Zimbabwe: a positive step towards ending corporal punishment against children // *Child Abuse Research: A South African Journal*. 2019. № 20. P. 28–35.
  32. *Enosh G., Alfandari R., Nouman H., Dolev L., Dascal-Weichhendler H.* Assessing, Consulting, Reporting Heuristics in Professional Decision-Making Regarding Suspected Child Maltreatment in Community Healthcare Services // *Child Maltreatment*. 2021. Vol. 26. № 3. P. 291–301. DOI:10.1177/1077559520937351
  33. *Gilbert R., Widom C.S., Browne K., Fergusson D., Webb E., Janson S.* Burden and consequences of child maltreatment in high-income countries // *The Lancet*. 2009. Vol. 373. № 9657. P. 68–81. DOI:10.1016/S0140-6736(08)61706-7
  34. *Gottfried R., Ben-Arieh A.* The Israeli Child Protection System / *Merkel-Holguin L., Fluke J.D., Krugman R.D. (eds.)*. National Systems of Child Protection. *Child Maltreatment* // Springer. 2019. Vol. 8. P. 139–171. DOI:10.1007/978-3-319-93348-1_8
  35. *Guha A., Rai A., Gupta D., Mondal R.* Abandoned Babies at Tertiary Care Rural Medical College Hospital: The Indian Scenarios // *Indian J Pediatr*. 2019. Vol. 86. № 4. P. 335–339. DOI:10.1007/s12098-018-2838-2
  36. *Gur A., Stein M.A.* Social worker attitudes toward parents with intellectual disabilities in Israel // *Disability and Rehabilitation*. 2020. Vol. 42. № 13. P. 1803–1813. DOI:10.1080/09638288.2018.153738
  37. *Hadi A.* Child abuse among working children in rural Bangladesh: prevalence and determinants // *Public Health*. 2000. Vol. 114. № 5. P. 380–384. DOI:10.1038/sj.ph.1900664
  38. *Hart A.S., Bagshaw D.* The idealised post-separation family in Australian family law: A dangerous paradigm in cases of domestic violence // *Journal of Family Studies*. 2008. Vol. 14. № 2-3. P. 291–309. DOI:10.5172/jfs.327.14.2-3.291
  39. *Harwin J., Broadhurst K., Cooper C., Taplin S.* Tensions and contradictions in family court innovation with high risk parents: The place of family drug treatment courts in contemporary family justice // *International Journal of Drug Policy*. 2019. Vol. 68. P. 101–108. DOI:10.1016/j.drugpo.2018.04.019
  40. *Hatland A., Kuhnle S., Romøren T.I.* Den norske velferdsstaten. Oslo: Ad notam Gyldendal, 1996. 241 p.
  41. *He Y., Leventhal J.M., Gaither J.R., Jones E.A., Kistin C.J.* Trends from 2005 to 2018 in child maltreatment outcomes with caregivers' substance use // *Child Abuse & Neglect*. 2022. Vol. 131. P. 105781. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105781
  42. *Helland H.S.* In the Best Interest of the Child? Justifying Decisions on Adoption from Care in the Norwegian Supreme Court // *The International Journal of Children's Rights*. 2021. Vol. 29. P. 609–639. DOI:10.1163/15718182-2903000
  43. *Hornor G.* Child Maltreatment: Screening and Anticipatory Guidance // *Journal of Pediatric Health Care*. 2013. Vol. 27. № 4. P. 242–250. DOI:10.1016/j.pedhc.2013.02.001
  44. *Israel P., Steffensen C., Hadland H.* Experiences of family therapists working with parents after the forced removal of children: What can the contextual model tell us? // *Cogent*

- Psychology. 2023. Vol. 10. № 1. P. 1–13. DOI:10.1080/23311908.2022.2151731
45. *Ji K., Finkelhor D., Dunne M.* Child sexual abuse in China: A meta-analysis of 27 studies // *Child Abuse & Neglect*. 2013. Vol. 37. № 9. P. 613–622. DOI:10.1016/j.chiabu.2013.03.008
46. *Juhasz I.B.* Child welfare and future assessments – An analysis of discretionary decision-making in newborn removals in Norway // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 116. P. 1–10. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105137
47. *Kadonaga T., Fraser M.W.* Child maltreatment in Japan // *Journal of Social Work*. 2015. Vol. 15(3). P. 233–253. DOI:10.1177/1468017314537424
48. *Kim K., Choi J., Jang H., Lee H.J., Jang H.* Predictive model for intra-familial child maltreatment re-reports and recurrence in South Korea: Analysis of national child protection services case records // *Child Abuse & Neglect*. 2022. Vol. 125. P. 1311–1335. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105487
49. *Kim Shin-Young, Pai Ki-Soo, Chung Young Ki, Ryu Kyeong Hee.* The present state of child abuse in Korea and its system for child protection // *Korean journal of pediatrics*. 2009. Vol. 52(11). P. 1185–1193. DOI:10.3345/kjp.2009.52.11.1185
50. *Li D., Chu C.M., Ng W.C., Leong W.* Predictors of re-entry into the child protection system in Singapore: A cumulative ecological–transactional risk model // *Child Abuse & Neglect*. 2014. Vol. 38. № 11. P. 1801–1812. DOI:10.1016/j.chiabu.2014.08.017
51. *Lopez L.M., Benbenishty R.* Lessons learned from international studies on child protection decision-making employing the model of Judgments and Decisions Processes in Context (JUDPiC) // *Decision Making and Judgement in Child Welfare and Protection: Theory, Research, and Practice*. by J. Fluke, M. López López, R. Benbenishty, E.J. Knorth, D. Baumann (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 136–148. DOI:10.1093/oso/9780190059538.003.0006
52. *Lubaale E.C.* Reconceptualising «discipline» to inform an approach to corporal punishment that strikes a balance between children’s rights and parental rights // *Child Abuse Research in South Africa*. 2019. Vol. 20. № 1. P. 36–50.
53. *Marcus P.* The Israel Family Court – Therapeutic jurisprudence and jurisprudential therapy from the start // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2019. Vol. 63. P. 68–75. DOI:10.1016/j.ijlp.2018.06.006
54. *O'Donnell M., Scott D., Stanley F.* Child abuse and neglect – is it time for a public health approach? // *Australian and New Zealand Journal of Public Health*. 2008. Vol. 32. № 4. P. 325–330. DOI:10.1111/j.1753-6405.2008.00249.x
55. *Ogden T., Backe-Hansen E.* Norsk barnevern i et internasjonalt perspektiv-trender og focus // *Velferdsamfunnets barn* by Evans D.T., Frønes I., Kjølørød L. eds. Oslo: AD Notam, Gyldendal, 1994. 247 p.
56. *Oppenheim-Weller S., Zeira A.* SafeCare in Israel: The challenges of implementing an evidence-based program // *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 85. P. 187–193. DOI:10.1016/j.childyouth.2017.12.031
57. *Otterlei M.T., Engebretsen E.* Parents at war: A positioning analysis of how parents negotiate their loss after experiencing child removal by the state // *Qualitative Social Work*. 2022. Vol. 21(4). P. 765–782. DOI:10.1177/14733250211048546
58. *Prindle J., Foust R., Putnam-Hornstein E.* Maltreatment Type Classifications and Transitions During Childhood for a California Birth Cohort // *Child Maltreat*. 2022. Vol. 27(3). P. 400–410. DOI:10.1177/10775595211006784
59. Protecting children: the Child Protection Outcomes Project: final report for the Victorian Department

- of Human Services. Sydney. Sydney; Melbourne: Allen Consulting Group, 2003. 101 p.
60. Report of the consultation on child abuse prevention [Electronic resource] // World Health Organization. 1999. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/65900> (дата обращения: 11.08.2023).
  61. Roche S. Child Protection and Maltreatment in the Philippines // A Systematic Review of the Literature. 2017. Vol. 4. № 1. P. 104–128. DOI:10.1002/app5.167
  62. Roche S., Flynn C. Local child protection in the Philippines: A case study of actors, processes and key risks for children // Asia and the Pacific Policy Studies, Wiley Blackwell. 2021. Vol. 8(3). P. 367–383. DOI:10.1002/app5.332
  63. Rosenthal J.A., Motz J.K., Edmonson D.A., Groze V. A descriptive study of abuse and neglect in out-of-home-placement // Child Abuse & Neglect. 1991. Vol. 15. № 3. P. 249–260. DOI:10.1016/0145-2134(91)90069-P
  64. Skivenes M., Søvig K.H. Norway: Child welfare decision-making in cases of removals of children // Child welfare removals by the state: A cross-country analysis of decision-making systems. New York: Oxford University Press, 2017. P. 40–64. DOI:10.1093/acprof:oso/9780190459567.003.0003
  65. Skivenes M., Tonheim M. Improving decision-making in care order proceedings: A multijurisdictional study of court decision-makers' viewpoints // Child & Family Social Work. 2018. Vol. 24. P. 1–12. DOI:10.1111/cfs.12600
  66. Statistics of Education: Referrals, Assessments and Children and Young People on Child Protection Registers: Year Ending 2004 [Electronic resource]. London: TSO, 2005. 132 p. URL: <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2005-01/apo-nid709.pdf> (дата обращения: 11.06.2023).
  67. Straus M.A., Gelles R.J. Physical violence in American families: risk factors and adaptations to violence in 8,145 families. New Brunswick: NJ, Transaction Publishers, 1990. 644 p. DOI:10.1891/0886-6708.5.4.297
  68. Straus M.A., Gelles R.J., Steinmetz S.K. Behind closed doors: Violence in the American family. Garden City, NY: Doubleday, 1980. 310 p.
  69. Šumskienė E., Charenkova J., Gvaldaitė L., Seniutis M., Gevorgianienė V., Petružytė D., Žalimienė L. Wor(l)ds struggle against wor(l)ds: Public discourse around children's removal from families in Lithuania // Family relations. Hoboken: Wiley. 2023. Vol. 72. № 3. P. 857–875. DOI:10.1111/fare.12753
  70. Tanoue K., Senda M., An B., Tasaki M., Taguchi M., Kobashi K., Oana S., Mizoguchi F., Shiraishi Y., Yamada F., Okuyama M., Ichikawa K. National survey of hospital child protection teams in Japan // Child Abuse & Neglect. 2018. Vol. 79. P. 11–21. DOI:10.1016/j.chiabu.2018.01.016
  71. Tenney-Soeiro R., Wilson C. An update on child abuse and neglect // Current Opinion in Pediatrics. 2004. Vol. 16(2). P. 233–237. DOI:10.1097/00008480-200404000-00022
  72. Wang Y., Zhao F., Emery C.R., Abdullah A., Lu S. «Invisible» children: A multiple case study on the experiences and protection of hospital-stranded children // Child Abuse & Neglect. 2022. Vol. 126. P. 105519. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105519
  73. Washington S.L. Survived and Coerced: Epistemic Injustice in the Family Regulation System [Electronic resource] // Columbia Law Review. 2021. № 1716. P. 1–65. URL: <https://ssrn.com/abstract=3914257> (дата обращения: 11.08.2023).
  74. Wildeman C., Edwards F.R., Wakefield S. The Cumulative Prevalence of Termination of Parental Rights for U.S. Children, 2000-2016 // Child Maltreat. 2020. Vol. 25(1). P. 32–42.

DOI:10.1177/1077559519848499

75. Yamaguchi A., Niimura M., Sonehara H., Sekido Y., Kishimoto M., Tachibana Y., Takehara K. The characteristics of children referred to a child protection team in Japan and factors associated with decision-making: A retrospective study using a medical database // *Child Abuse & Neglect*. 2022. Vol. 134. P. 105867. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105867
76. Zeanah C.H., Humphreys K.L. Child Abuse and Neglect // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2018. Vol. 57. № 9. P. 637–644. DOI:10.1016/j.jaac.2018.06.007
77. Zerr A.A., Newton R.R., Litrownik A.J., McCabe K.M., Yeh M. Household composition and maltreatment allegations in the US: Deconstructing the at-risk single mother family // *Child Abuse & Neglect*. 2019. № 97. P. 104123. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104123
78. Zhao F., Hämmäläinen J., Chen H. Child protection in China: Changing policies and reactions from the field of social work: Child protection in China // *International Journal of Social Welfare*. 2017. Vol. 26. P. 1–10. DOI:10.1111/ijsw.12268
79. Zumbach J., Wetzels P., Koglin U. Predictors of psychological recommendations in child protection evaluation // *Child Abuse & Neglect*. 2018. Vol. 84. P. 196–204. DOI:10.1016/j.chiabu.2018.08.003
80. Žunić-Pavlović V., Milosavljević-Đukić I., Glumbić N. Predictors of reunification and other types of exit for maltreated children using shelter services in Serbia // *Child & Family Social Work*. 2022. Vol. 27. № 2. P. 340–348. DOI:10.1111/cfs.1288

References

1. Busygina N.P. Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovaniy v psikhologii: uchebnik dlya vuzov [Qualitative and quantitative research methods in psychology: textbook for universities] by N.P. Busygina. Moscow: Publ. *Yurait [Yurayt]*, 2023. 423 p. (In Russ.).
2. Doklad o polozhenii del v mire v oblasti profilaktiki nasiliya v otnoshenii detei 2020 g.: rezyume [Report on the state of the world in the field of prevention of violence against children 2020: summary]. Geneva: World Health Organization, 2020. 20 p. (In Russ.).
3. Evropeiskii doklad o predotvrashchenii zhestokogo obrashcheniya s det'mi [Elektronnyi resurs] [European Report on the Prevention of Child Abuse]. *Vsemirnaya organizatsiya zdравookhraneniya [World Health Organization]*. 2013. Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/277108/9789289000284-summaryrus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Accessed 13.06.2023). (In Russ.).
4. Ivanova I.I. Semiotiko-metodologicheskie vozmozhnosti germenevtiki [Elektronnyi resurs] [Semiotic and methodological possibilities of hermeneutics]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie [Man. Culture. Education]*, 2012, no. 3(5), pp. 5–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotiko-metodologicheskie-vozmozhnosti-germenevtiki> (Accessed 13.08.2023). (In Russ.).
5. Rymar D.S. Ogranichenie v roditel'skikh pravakh i lishenie roditel'skikh prav: sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i Yaponii [Elektronnyi resurs] [Restriction of parental rights and deprivation of parental rights: comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and Japan]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2019, no. 25(263), pp. 340–343. Available at: <https://moluch.ru/archive/263/60925/> (Accessed 20.05.2023). (In Russ.).
6. Ahad Md.A., Parry Y.K., Willis E. The prevalence and impact of maltreatment of child laborers in the context of four South Asian countries: A scoping review. *Child Abuse &*

- Neglect*, 2021. Vol. 117, pp. 105052. DOI:10.1016/j.chiabu.2021.105052
7. Arie S. Who takes up issue of child abuse. *BMJ*, 2005. Vol. 331, no. 7509, pp. 129. DOI:10.1136/bmj.331.7509.129
  8. Baker A.J.L., Brassard M. Predictors of variation in state reported rates of psychological maltreatment: A survey of statutes and a call for change. *Child Abuse & Neglect*, 2019. Vol. 96, pp. 104102. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104102
  9. Bamba S., Haight W. The developmental-ecological approach of Japanese child welfare professionals to supporting children's social and emotional well-being: The practice of mimamori. *Children and Youth Services Review*, 2009. Vol. 31, no. 4, pp. 429–439. DOI:10.1016/j.childyouth.2008.09.006
  10. Basu K. et al. The economics of child labor. *The American Economic Review*, 1998. Vol. 88, no. 3, pp. 84–91.
  11. Benbenishty R., Davidson-Arad B., López M., Devaney J., Spratt T., Koopmans C., Knorth E.J., Witteman C.L.M., Del Valle J.F., Hayes D. Decision making in child protection: An international comparative study on maltreatment substantiation, risk assessment and interventions recommendations, and the role of professionals' child welfare attitudes. *Child Abuse & Neglect*, 2015. Vol. 49, pp. 63–75. DOI:10.1016/j.chiabu.2015.03.015
  12. Ben-David V. Are they guilty of their parental behavior? Parenting forms constructed in termination of parental rights court cases. *Qualitative Social Work*, 2016. Vol. 15, no. 4, pp. 518–532. DOI:10.1177/1473325015595459
  13. Ben-David V. Does a parent's right to parenting matter in termination of parental rights? An analysis of court cases. *Family court review*, 2020. Vol. 58, no. 4, pp. 1061–1071. DOI:10.1111/fcre.12498
  14. Ben-David V. Judicial bias in adjudicating the adoption of minors in Israel. *Children and Youth Services Review*, 2011. Vol. 33, no. 1, pp. 195–203. DOI:10.1016/j.childyouth.2010.09.003
  15. Ben-David V. Parental cooperation with social services and termination of parental rights in Israeli court cases of child maltreatment. *Journal of child and family studies*, 2016. Vol. 25, no. 8, pp. 2498–2507. DOI:10.1007/s10826-016-0422-9
  16. Ben-David V. Substance-abusing parents and their children in termination of parental rights cases in Israel. *Children and Youth Services Review*, 2016. Vol. 66, pp. 94–100. DOI:10.1016/j.childyouth.2016.05.001
  17. Berger K.S. *The Developing Person throughout the Lifespan*. 5-th ed. New York, *Worth Publishers*, 2001. 743 p.
  18. Berrick J., Dickens J., Pösö T., Skivenes M. A Cross-Country Comparison of Child Welfare Systems and Workers' Responses to Children Appearing to be at Risk or in Need of Help. *Child Abuse Review*, 2017. Vol. 26, no. 4, pp. 305–319. DOI:10.1002/car.2485
  19. Berrick J., Dickens J., Pösö T., Skivenes M. Parents' involvement in care order decisions: a cross-country study of front-line practice. *Child & Family Social Work*, 2017. Vol. 22, no. 2, pp. 626–637. DOI:10.1111/cfs.12277
  20. Bromfield L. et al. National comparison of child protection system. Child abuse prevention issues. *Australian institute of family studies*, 2005, no. 22, pp. 1–32.
  21. Carr A., Duff H., Craddock F. A Systematic review of reviews of the outcome of noninstitutional child maltreatment. *Trauma violence abuse*, 2020. Vol. 21, no. 4, pp. 828–843. DOI:10.1177/1524838018801334 Epub 2018 Sep 24. PMID: 30249161.
  22. Çelik S.S., Baybuga M.S. Verbal, physical and sexual abuse among children working on the street. *Australian journal of advanced nursing*, 2009. Vol. 26, no. 4, pp. 14–22.
  23. Child protection Australia 2003–04 [Electronic resource]. Canberra: *Australian Institute of*

- Health and Welfare*, 2005. 36 p. Available at: <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2005-01/apo-nid709.pdf> (Accessed 11.06.2023).
24. Convention on the Rights of the Child [Electronic resource]. *United Nations*, 1989. Available at: <https://www.un.org/ru/about-us/convention-on-the-rights-of-the-child> (Accessed 11.06.2023).
  25. Cyr C., Michel G., Dumais M. Child maltreatment as a global phenomenon: From trauma to prevention. *International Journal of Psychology*, 2013. Vol. 48, no. 2, pp. 141–148. DOI:10.1080/00207594.2012.705435
  26. Dare J., Wilkinson C., Karthigesu S.P., Coall D.A., Marquis R. Keeping the family: A socio ecological perspective on the challenges of child removal and reunification for mothers who have experienced substance-related harms. *Children and Youth Services Review*, 2023. Vol. 145, no. 3, pp. 106772. DOI:10.1016/j.childyouth.2022.106772
  27. Davidson-Arad B., Englechin-Segal D., Wozner Y. Short-term follow-up of children at risk: comparison of the quality of life of children removed from home and children remaining at home. *Child Abuse & Neglect*, 2003. Vol. 27, no. 7, pp. 733–750, DOI:10.1016/S0145-2134(03)00113-3
  28. Davidson-Arad B., Englechin-Segal D., Wozner Y., Gabrie R. Why social workers do not implement decisions to remove children at risk from home. *Child Abuse & Neglect*, 2003. Vol. 27, no. 6, pp. 687–697. DOI:10.1016/S0145-2134(03)00106-6
  29. Domestic Relations Case Procedure Act. No. 52 of May 25, 2011 [Electronic resources]. *Japanese Law Translation*, 2011. Available at: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4258> (Accessed 11.08.2023).
  30. Duerr B., Jill, Neil G., Marit S. (eds.). *Oxford Handbook of Child Protection Systems*. Oxford: Oxford University Press, 2023. 1017 p. DOI:10.1093/oxfordhb/9780197503546.001.0001
  31. Dziva C. The 2013 Constitution of Zimbabwe: a positive step towards ending corporal punishment against children. *Child Abuse Research: A South African Journal*, 2019, no. 20, pp. 28–35.
  32. Enosh G., Alfandari R., Nouman H., Dolev L., Dascal-Weichhendler H. Assessing, Consulting, Reporting Heuristics in Professional Decision-Making Regarding Suspected Child Maltreatment in Community Healthcare Services. *Child Maltreatment*, 2021. Vol. 26, no. 3, pp. 291–301. DOI:10.1177/1077559520937351
  33. Gilbert R., Widom C.S., Browne K., Fergusson D., Webb E., Janson S. Burden and consequences of child maltreatment in high-income countries. *The Lancet*, 2009. Vol. 373, no. 9657, pp. 68–81. DOI:10.1016/S0140-6736(08)61706-7
  34. Gottfried R., Ben-Arieh A. The Israeli Child Protection System by Merkel-Holguin L., Fluke J.D., Krugman R.D. (eds.). *National Systems of Child Protection. Child Maltreatment*. Springer, 2019. Vol. 8, pp. 139–171. DOI:10.1007/978-3-319-93348-1_8
  35. Guha A., Rai A., Gupta D., Mondal R. Abandoned Babies at Tertiary Care Rural Medical College Hospital: The Indian Scenarios. *Indian J Pediatr*, 2019. Vol. 86, no. 4, pp. 335–339. DOI:10.1007/s12098-018-2838-2
  36. Gur A., Stein M.A. Social worker attitudes toward parents with intellectual disabilities in Israel. *Disability and Rehabilitation*, 2020. Vol. 42, no. 13, pp. 1803–1813. DOI:10.1080/09638288.2018.153738
  37. Hadi A. Child abuse among working children in rural Bangladesh: prevalence and determinants. *Public Health*, 2000. Vol. 114, no. 5, pp. 380–384. DOI:10.1038/sj.ph.1900664
  38. Hart A.S., Bagshaw D. The idealised post-separation family in Australian family law: A dangerous paradigm in cases of domestic violence. *Journal of Family Studies*, 2008.

- Vol. 14, no. 2-3, pp. 291–309. DOI:10.5172/jfs.327.14.2-3.291
39. Harwin J., Broadhurst K., Cooper C., Taplin S. Tensions and contradictions in family court innovation with high risk parents: The place of family drug treatment courts in contemporary family justice. *International Journal of Drug Policy*, 2019. Vol. 68, pp. 101–108. DOI:10.1016/j.drugpo.2018.04.019
  40. Hatland A., Kuhnle S., Romøren T.I. Den norske velferdsstaten. Oslo: *Ad notam Gyldendal*, 1996. 241 p.
  41. He Y., Leventhal J.M., Gaither J.R., Jones E.A., Kistin C.J. Trends from 2005 to 2018 in child maltreatment outcomes with caregivers' substance use. *Child Abuse & Neglect*, 2022. Vol. 131, pp. 105781. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105781
  42. Helland H.S. In the Best Interest of the Child? Justifying Decisions on Adoption from Care in the Norwegian Supreme Court. *The International Journal of Children's Rights*, 2021. Vol. 29, pp. 609–639. DOI:10.1163/15718182-2903000
  43. Hornor G. Child Maltreatment: Screening and Anticipatory Guidance. *Journal of Pediatric Health Care*, 2013. Vol. 27, no. 4, pp. 242–250. DOI:10.1016/j.pedhc.2013.02.001
  44. Israel P., Steffensen C., Hadland H.H. Experiences of family therapists working with parents after the forced removal of children: What can the contextual model tell us? *Cogent Psychology*, 2023. Vol. 10, no. 1, pp. 1–13. DOI:10.1080/23311908.2022.2151731
  45. Ji K., Finkelhor D., Dunne M. Child sexual abuse in China: A meta-analysis of 27 studies. *Child Abuse & Neglect*, 2013. Vol. 37, no. 9, pp. 613–622. DOI:10.1016/j.chiabu.2013.03.008
  46. Juhasz I.B. Child welfare and future assessments – An analysis of discretionary decision-making in newborn removals in Norway. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 116, pp. 1–10. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105137
  47. Kadonaga T., Fraser M.W. Child maltreatment in Japan. *Journal of Social Work*, 2015. Vol. 15(3), pp. 233–253. DOI:10.1177/1468017314537424
  48. Kim K., Choi J., Jang H., Lee H.J., Jang H. Predictive model for intra-familial child maltreatment re-reports and recurrence in South Korea: Analysis of national child protection services case records. *Child Abuse & Neglect*, 2022. Vol. 125, pp. 1311–1335. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105487
  49. Kim Shin-Young, Pai Ki-Soo, Chung Young Ki, Ryu Kyeong Hee. The present state of child abuse in Korea and its system for child protection. *Korean journal of pediatrics*, 2009. Vol. 52(11), pp. 1185–1193. DOI:10.3345/kjp.2009.52.11.1185
  50. Li D., Chu C.M., Ng W.C., Leong W. Predictors of re-entry into the child protection system in Singapore: A cumulative ecological–transactional risk model. *Child Abuse & Neglect*, 2014. Vol. 38, no. 11, pp. 1801–1812. DOI:10.1016/j.chiabu.2014.08.017
  51. Lopez L.M., Benbenishty R. Lessons learned from international studies on child protection decision-making employing the model of Judgments and Decisions Processes in Context (JUDPiC). *Decision Making and Judgement in Child Welfare and Protection: Theory, Research, and Practice*. by J. Fluke, M. López López, R. Benbenishty, E.J. Knorth, D. Baumann (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2020, pp. 136–148. DOI:10.1093/oso/9780190059538.003.0006
  52. Lubaale E.C. Reconceptualising «discipline» to inform an approach to corporal punishment that strikes a balance between children's rights and parental rights. *Child Abuse Research in South Africa*, 2019. Vol. 20, no. 1, pp. 36–50.
  53. Marcus P. The Israel Family Court – Therapeutic jurisprudence and jurisprudential therapy from the start. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2019. Vol. 63, pp. 68–75.

DOI:10.1016/j.ijlp.2018.06.006

54. O'Donnell M., Scott D., Stanley F. Child abuse and neglect – is it time for a public health approach? *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 2008. Vol. 32, no. 4, pp. 325–330. DOI:10.1111/j.1753-6405.2008.00249.x
55. Ogden T., Backe-Hansen E. Norsk barnevern i et internasjonalt perspektiv-trender og focus. Velferdsamfunnets barn by Evans D.T., Frønes I., Kjølørød L. (eds.). Oslo: AD Notam, Gyldendal, 1994. 247 p.
56. Oppenheim-Weller S., Zeira A. SafeCare in Israel: The challenges of implementing an evidence-based program. *Children and Youth Services Review*, 2018. Vol. 85, pp. 187–193. DOI:10.1016/j.childyouth.2017.12.031
57. Otterlei M.T., Engebretsen E. Parents at war: A positioning analysis of how parents negotiate their loss after experiencing child removal by the state. *Qualitative Social Work*, 2022. Vol. 21(4), pp. 765–782. DOI:10.1177/14733250211048546
58. Prindle J., Foust R., Putnam-Hornstein E. Maltreatment Type Classifications and Transitions During Childhood for a California Birth Cohort. *Child Maltreat*, 2022. Vol. 27(3), pp. 400–410. DOI:10.1177/10775595211006784
59. Protecting children: the Child Protection Outcomes Project: final report for the Victorian Department of Human Services. Sydney. Sydney; Melbourne: Allen Consulting Group, 2003. 101 p.
60. Report of the consultation on child abuse prevention [Electronic resource]. *World Health Organization*, 1999. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/65900> (Accessed 11.08.2023).
61. Roche S. Child Protection and Maltreatment in the Philippines. *A Systematic Review of the Literature*, 2017. Vol. 4, no. 1, pp. 104–128. DOI:10.1002/app5.167
62. Roche S., Flynn C. Local child protection in the Philippines: A case study of actors, processes and key risks for children. *Asia and the Pacific Policy Studies*, Wiley Blackwell, 2021. Vol. 8(3), pp. 367–383. DOI:10.1002/app5.332
63. Rosenthal J.A., Motz J.K., Edmonson D.A., Groze V. A descriptive study of abuse and neglect in out-of-home-placement. *Child Abuse & Neglect*, 1991. Vol. 15, no. 3, pp. 249–260. DOI:10.1016/0145-2134(91)90069-P
64. Skivenes M., Søvig K.H. Norway: Child welfare decision-making in cases of removals of children. Child welfare removals by the state: A cross-country analysis of decision-making systems. New York: Oxford University Press, 2017, pp. 40–64. DOI:10.1093/acprof:oso/9780190459567.003.0003
65. Skivenes M., Tonheim M. Improving decision-making in care order proceedings: A multijurisdictional study of court decision-makers' viewpoints. *Child & Family Social Work*, 2018. Vol. 24, pp. 1–12. DOI:10.1111/cfs.12600
66. Statistics of Education: Referrals, Assessments and Children and Young People on Child Protection Registers: Year Ending 2004 [Electronic resource]. London: TSO, 2005. 132 p. Available at: <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2005-01/apo-nid709.pdf> (Accessed 11.06.2023).
67. Straus M.A., Gelles R.J. Physical violence in American families: risk factors and adaptations to violence in 8,145 families. New Brunswick: NJ, Transaction Publishers, 1990. 644 p. DOI:10.1891/0886-6708.5.4.297
68. Straus M.A., Gelles R.J., Steinmetz S.K. Behind closed doors: Violence in the American family. Garden City, NY: Doubleday, 1980. 310 p.
69. Šumskienė E., Charenkova J., Gvaldaitė L., Seniutis M., Gevorgianienė V., Petružytė

- D., Žalimienė L. Wor(l)ds struggle against wor(l)ds: Public discourse around children's removal from families in Lithuania. *Family relations*. Hoboken: Wiley, 2023. Vol. 72, no. 3, pp. 857–875. DOI:10.1111/fare.12753
70. Tanoue K., Senda M., An B., Tasaki M., Taguchi M., Kobashi K., Oana S., Mizoguchi F., Shiraishi Y., Yamada F., Okuyama M., Ichikawa K. National survey of hospital child protection teams in Japan. *Child Abuse & Neglect*, 2018. Vol. 79, pp. 11–21. DOI:10.1016/j.chiabu.2018.01.016
71. Tenney-Socero R., Wilson C. An update on child abuse and neglect. *Current Opinion in Pediatrics*, 2004. Vol. 16(2), pp. 233–237. DOI:10.1097/00008480-200404000-00022
72. Wang Y., Zhao F., Emery C.R., Abdullah A., Lu S. «Invisible» children: A multiple case study on the experiences and protection of hospital-stranded children. *Child Abuse & Neglect*, 2022. Vol. 126, pp. 105519. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105519
73. Washington S.L. Survived and Coerced: Epistemic Injustice in the Family Regulation System [Electronic resource]. *Columbia Law Review*, 2021, no. 1716, pp. 1–65. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3914257> (Accessed 11.08.2023).
74. Wildeman C., Edwards F.R., Wakefield S. The Cumulative Prevalence of Termination of Parental Rights for U.S. Children, 2000–2016. *Child Maltreat*, 2020. Vol. 25(1), pp. 32–42. DOI:10.1177/1077559519848499
75. Yamaguchi A., Niimura M., Sonehara H., Sekido Y., Kishimoto M., Tachibana Y., Takehara K. The characteristics of children referred to a child protection team in Japan and factors associated with decision-making: A retrospective study using a medical database. *Child Abuse & Neglect*, 2022. Vol. 134, pp. 105867. DOI:10.1016/j.chiabu.2022.105867
76. Zeanah C.H., Humphreys K.L. Child Abuse and Neglect. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 2018. Vol. 57, no. 9, pp. 637–644. DOI:10.1016/j.jaac.2018.06.007
77. Zerr A.A., Newton R.R., Litrownik A.J., McCabe K.M., Yeh M. Household composition and maltreatment allegations in the US: Deconstructing the at-risk single mother family. *Child Abuse & Neglect*, 2019, no. 97, pp. 104123. DOI:10.1016/j.chiabu.2019.104123
78. Zhao F., Hämäläinen J., Chen H. Child protection in China: Changing policies and reactions from the field of social work: Child protection in China. *International Journal of Social Welfare*, 2017. Vol. 26, pp. 1–10. DOI:10.1111/ijsw.12268
79. Zumbach J., Wetzels P., Koglin U. Predictors of psychological recommendations in child protection evaluation. *Child Abuse & Neglect*, 2018. Vol. 84, pp. 196–204. DOI:10.1016/j.chiabu.2018.08.003
80. Žunić-Pavlović V., Milosavljević-Đukić I., Glumbić N. Predictors of reunification and other types of exit for maltreated children using shelter services in Serbia. *Child & Family Social Work*, 2022. Vol. 27, no. 2, pp. 340–348. DOI:10.1111/cfs.1288

Информация об авторе

Телицына Александра Юрьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, доцент кафедры экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Information about the author

Aleksandra Yu. Telitsyna, Candidate of Science (Biology), Associate Professor of the Department of Economics and Management in NGOs National Research University, Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>, e-mail: atelitsyna@hse.ru

Получена 24.06.2023

Received 24.06.2023

Принята в печать 30.07.2023

Accepted 30.07.2023